

Ольга Пуссинен
(Хельсинский университет)

СОВРЕМЕННАЯ РУССКОЯЗЫЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА ФИНЛЯНДИИ: ЖУРНАЛ «ИНЫЕ БЕРЕГА VIERAAT RANNAT» В КОНТЕКСТЕ ЭМИГРАНТСКОЙ И ОБЩЕРУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

Согласно данным справочника «Русская литература сегодня: Зарубежье», выпущенного в 2008 году С. Чуприниным, за пределами Российской Федерации ныне живет 1089 человек, позиционирующих себя как русскоязычные писатели: половина, 552 человека (50,69%), проживает на территориях стран, входивших в состав СССР (на Украине, в Беларуси, Латвии, Литве, Эстонии, Молдове, Грузии, Армении, Азербайджане, Казахстане, Узбекистане, Таджикистане, Кыргызстане). Вторая половина из списка, составленного С. Чуприниным (537 человек – 49,31%), постоянно проживает в странах дальнего зарубежья, пространство которых захватывает не только страны Европы¹, США и Израиль, но и, например, Канаду, Австралию, Японию, Индию и даже Гамбию [Чупринин 2008: 746-774].

Цифры, приведенные С. Чуприниным в его толстом справочнике, кажутся внушительными и солидными. Однако нельзя забывать о том, что количественный состав русскоязычной диаспоры, то есть людей, постоянно проживающих вне России и использующих русский язык в качестве родного, в последнее время оценивается разными учеными в цифрах от семи до десяти миллионов человек. Таким образом, даже если мы увеличим число литераторов втрое, прибавив к ним малоизвестных и только начинающих свой творческий путь, то все равно по отношению к общей массе эмигрантов количество людей, развивающих русскую словесность и умеющих использовать русский язык в литературно-художественных жанрах, окажется ничтожно малым. В процентном соотношении это произвольно увеличенное нами количество писателей и поэтов составит лишь 0,05% по отношению к семи миллионам человек русскоязычных людей.

В Финляндии, как пишет в своей статье М. Крошнева [Крошнева www], приводя данные фонда «Русский мир», с населением страны 5 миллионов 200 тысяч (здесь и далее данные на 2001 год), русским языком владеют 50 тысяч человек, т.е. каждый 104-й житель. Если сравнить эти цифры со статистикой других европейских стран и США, то можно придти к небезосновательному мнению о том, что русский язык в стране Суоми распространен весьма слабо, несмотря на то, что Финляндия и Россия являются географическими соседями. Так, в Германии с населением в 82,2 миллиона человек русским языком владеют около 6 миллионов – это каждый 13-14-й; в США (284,5 млн.) русским владеют около 3,5 млн. человек, т.е. каждый 81-й; в Швеции (8,9 млн. жителей) на русском говорят, примерно, 95 тысяч, т.е. каждый 93-й. Как считает М. Крошнева, эта статистика свидетельствует о том, что быть русским эмигрантом в условиях дальнего зарубежья, говорить по-русски, а особенно думать, размышлять и издаваться на русском вовсе не так легко [там же].

¹ Если судить по перечню С. Чупринина, русские писатели сейчас живут и творят практически во всех государствах Европы: Германии, Франции, Великобритании, Ирландии, Австрии, Бельгии, Люксембурге, Швейцарии, Нидерландах, Португалии, Испании, Италии, Хорватии, Болгарии, Польше, Чехии, Венгрии, Дании, Швеции, Финляндии.

Тем не менее, следует отметить, что общественная активность русскоязычной диаспоры Финляндии достаточно высока: и в Хельсинки, и в других городах Суоми существует и успешно функционирует множество некоммерческих общественных организаций для русскоязычного населения, – культурно-просветительных и спортивных обществ, объединяющих выходцев из России. Безусловно, эта сфера в целом не имеет грандиозных масштабов, находясь где-то на переходном уровне между самодеятельностью и профессиональным творчеством или спортом, однако для самих эмигрантов она является значимым фактором жизни, позволяющим не только общаться друг с другом, но передать свою языковую компетентность младшему поколению, «детям эмиграции». Кроме того, именно высокая активность русскоязычной диаспоры обеспечивает официальную и финансовую поддержку принимающей финской стороны, лояльность которой во многом обусловлена тесными экономическими контактами с Россией. Из средств Министерства просвещения Финляндии и городских бюджетов выделяются дотации, идущие на поддержку деятельности многочисленных русскоязычных клубов и кружков, а также изданию русскоязычных газет и журналов, к числу которых относится и журнал «Иные берега *Vieraat rannat*».

Выпускаемый в Финляндии литературно-художественный журнал (первоначально альманах) «Иные берега *Vieraat rannat*» появился на свет как продукт совместной творческой деятельности группы поэтов и писателей, вступивших в члены Объединения русскоязычных литераторов Финляндии (ОРЛФ), которое было зарегистрировано в 2000 году поэтессой Натальей Мери. Необходимо отметить, что возникновение журнала как периодического издания какого-либо литературного объединения – типичное явление для литературного процесса, протекающего как в российской метрополии, так и в зарубежной русскоязычной диаспоре. По данным того же справочника С. Чуприна, к настоящему моменту в ближнем и дальнем зарубежье зарегистрировано 89 писательских организаций, союзов, объединений, отделений, содружеств, обществ, сообществ, фондов, конгрессов, федераций, ассоциаций, центров, клубов, гостиных, гильдий, академий, школ и даже один лифронт. 65 из них располагаются на постсоветском пространстве, 20 – в дальнем зарубежье, 4 организации позиционируют себя как Международные [Чупринин 2008: 774-776]. Эти цифры подтверждают нашу мысль о том, что современные условия жизни не способствуют «индивидуальному» творчеству, в результате чего литераторы стремятся к объединению; впрочем, справедливости ради следует отметить, что уже с XVIII века объединения поэтов и писателей и выпускаемые ими журналы играли важную роль в развитии литературного процесса.

Основные задачи деятельности ОРЛФ четко сформулированы в уставе Объединения: это издание литературно-художественного альманаха «Иные берега» и его распространение в Финляндии, России и в других странах; сотрудничество с культурными организациями и деятелями культуры; сохранение русского языка и культуры в условиях финской языковой среды; художественный перевод произведений финского фольклора и литературы на русский; исследовательская работа в области преподавания русского языка и литературы; социологическое изучение жизни современных эмигрантов и проблем русскоязычной диаспоры, как в Финляндии, так и в других странах; организация литературных вечеров и проведение поэтической студии.

Первый номер «Иных берегов *Vieraat rannat*» (первоначально – просто «Иных берегов») увидел свет в 2002 году. Он был напечатан в Санкт-Петербурге на средства авторов. Составителями первого номера были члены ОРЛФ Роберт Винонен (поэт, переводчик и литературный критик) Элеонора Иоффе (поэт и переводчик) и

белорусский поэт, прозаик и общественный деятель Владимир Некляев, который на тот момент жил в Финляндии. Название альманаха, как явствует из редакционного предисловия, навеяно строчками Пушкина:

*Вот холм лесистый, над которым часто
Я сживал недвижим и глядел
На озеро, вспоминая с грустью
Иные берега, иные волны ...*

(«Вновь я посетил...»)

Помещенное в первом номере обращение сразу же предостерегало читателей: «Не следует здесь ожидать пресловутой эмигрантской "печати" на текстах – эта волна пришла сюда при иных событийно-психологических условиях». Тем не менее, в свете исторического обзора художественного развития «Иных берегов» за десятилетний срок их существования, нельзя не учитывать того, что изначально ОРЛФ и его рупор в виде альманаха (а затем журнала) создавались как литературная трибуна ингерманландских репатриантов Финляндии: именно в этом заключалась их идейная концепция и творческая установка. Для начала «нулевых» (как принято сейчас назвать этот период) данное стремление было вполне закономерным. В течение предшествующих девятидесятых годов произошло массовое переселение людей финского происхождения из России в Финляндию, так называемое возвращение ингерманландцев на историческую родину. В настоящее время этот процесс, конечно, еще идет, однако сейчас он не имеет столь глобального масштаба и размаха. На наш взгляд, русская ингерманландская диаспора Финляндии сформировалась именно к началу XXI века. Естественно, что художественная концепция «Иных берегов» находилась в непосредственной зависимости от чувств и настроений тех переселенцев, которые накануне пережили неповторимые изменения своей жизни: репатриацию, исход из СССР и России и переселение в Финляндию, манившую их к себе, словно земля обетованная, ибо ее можно было называть второй Родиной.

Однако за десять «нулевых» лет изменился, во-первых, качественный состав русскоязычной эмиграции: нынешняя русскоязычная диаспора Финляндии представляет собой весьма пестрое гетерогенное сообщество людей с различными жизненным опытом, поведенческими установками, различным уровнем образования и культуры, различным «набором» духовных и материальных ценностей. Наряду с этническими репатриантами значительную часть нашей диаспоры ныне составляет студенческо-профессиональная эмиграция, беженцы из стран постсоветского пространства, жены финнов. Каждый из этих слоев получил собственное сложное знакомство с Финляндией и прошел собственный процесс адаптации, далеко не всегда легкий и безболезненный [см.: Пуссинен 2009]. С одной стороны, в массовом российском сознании Запад всегда представлял собой символ благополучия и изобилия, своеобразное Тридевятое царство русских народных сказок, с кисельными реками и молочными берегами. С другой стороны, Тридевятое царство – земля неизведанная, чужая и опасная тем, что желает сгубить русского человека, потребовав у него в обмен на возможность наслаждаться материальными благами нечто ценное, но словами трудно выразимое. «Отдай то, чего дома не знаешь», – просят в различных вариантах сказок у попавшего в беду героя представители Тридевятого царства: морской царь, водяной, леший или некий таинственный старик, наделенный мистической силой. И герой соглашается, не ведая, что отдает самое дорогое в своей жизни, – сына-наследника, лишаясь тем самым своего этнического продолжения.

Прожив несколько лет вне России, эмигранты начинают чувствовать потерю какой-то важной составляющей своей жизни, которую невозможно компенсировать материальными благами жизни европейской жизни, ее стабильности и психологическим комфортом. Люди в большинстве своем не дают себе отчета в том,

что беспокоит их утрата русского начала, связанная с невозможностью получать все то же количество русского языка, русской культуры, русского образа жизни и русских традиций. Однако, не осознавая того, что с ними происходит, бывшие россияне начинают искать места для совместного общения и обмена духовной и культурной информацией, для чего вступают в различные русскоязычные общества и ведут своих детей на русские кружки. Это дает нам право утверждать, что при всей своей нынешней разнородности русскоязычная диаспора Финляндии к настоящему моменту стала духовно более объединенной, и объединение это произошло именно в постепенном процессе осознания своей неразрывной приобщенности к русскому языку и русской культуре.

Важным изменением жизни русскоязычной диаспоры стал также факт того, что за десять «нулевых» лет выросло и сформировалось новое молодое русско-финское поколение, – так называемые дети эмиграции, полностью адаптированные в финском обществе и ощущающие себя уже больше финнами, нежели русскими. На примере своих детей взрослое поколение эмиграции наглядно увидело, как легко теряется язык, если его не поддерживать и не развивать, как быстро получающие финское образование дети в области владения русским языком остаются на уровне развития крестьян XIX века, слабо знающих русскую грамоту или вовсе безграмотных, и не желающих читать по-русски ни Лермонтова, ни Гоголя, ни Тургенева, поскольку такой привычки к чтению не было выработано, а без привычки попытка читать русскую литературу быстро утомляют и с треском проваливаются. Лишаясь знакомства с литературой, русский язык молодого поколения диаспоры на глазах становится «домашним», когда молодые люди не в состоянии полноценно и ярко описать на русском языке свои мысли и чувства или интересно и образно пересказать какое-либо событие. Теряя русский язык, молодое поколение теряет духовную связь со своими родителями, для которых русский язык является основой внутреннего самовыражения, а значит, слабеет и обрывается нить, соединяющая поколения. Представители старшего поколения диаспоры часто сталкиваются с недоумением и разочарованием, видя, что интерес к России, присущий им самим, отсутствует у ребенка, который не хочет читать русские книги и даже смотреть русские фильмы. Многие родители понимают это на примере старших детей, когда замечают, как русский язык их отпрыска начинает слабеть, хиреть и все чаще восполняется в общении вторым языком, и опомнившись, как за собственное спасение, хватаются за младшее чадо, стремясь хоть чем-то помимо домашнего общения наполнить русскоязычную сторону его бытия. Таким образом, материальное благополучие и социальная стабильность заграничной жизни зачастую сочетается у бывших россиян с чувством душевной горечи сродни тому отчаянию, которое испытал герой вышеупомянутой сказки, вернувшись домой и осознав, что отдал могучему водяному царю своего новорожденного сына, согласившись на, казалось бы, выгодное предложение: *«Отдай то, чего дома не знаешь...»*

Такая ситуация приводит к осознанию, того, насколько необходимым является литературное творчество на русском языке за пределами России, насколько важно и актуально сохранение и развитие русского литературного языка, русской культуры и традиций русской литературы в условиях внеязыковой среды, в условиях жизни в диаспоре. Это понимание стало к настоящему моменту основной идейной концепцией «Иных берегов», стволем, от которого ответвляются все остальные направления литературной деятельности издания.

В 2008 году, с седьмого номера «Иные берега Vieraat rannat» стали журналом, который ныне выходит два раза в год, приблизительным объемом 100-130 страниц. Журнал публикует русскоязычных авторов со всего мира: из США, Англии, Израиля, Германии Эстонии. Некоторые из них, – такие как Марк Польшковский (Израиль) или Семен Каминский (США), – стали постоянными авторами издания. Тем не менее,

основой сохранения русского языка в диаспоре остается тесная связь с языковой метрополией, – то есть с Россией. Именно поэтому наряду с авторами, живущими в эмиграции «Иные берега Vieraat rannat» печатают талантливых авторов живущих на бескрайних российских просторах, через творчество которых диаспора получает возможность узнавать, как живет, о чем думает и чем дышит современная Россия.

Несмотря на всемирную сеть Интернета, опутавшую и соединившую людей практически всего земного шара, в жизни русскоязычной диаспоры Финляндии, тем не менее, заметен дефицит информации о культурной жизни в России. Именно поэтому в разделе «Критика и публицистика» печатаются рецензии, обзоры и критические статьи, авторы которых знакомят читателей с талантливыми книгами российских писателей и поэтов, фильмами и спектаклями, художниками и их выставками, фестивалями или концертами, заслуживающими внимания. Таким образом у старшего поколения диаспоры восполняется недостаток информации, а перед младшим поколением предстает и раскрывается огромный культурный потенциал России.

Журнал также знакомит своего читателя с историей литературы русского Зарубежья более ранних волн эмиграции, - первой и второй. Публикуются подборки произведений малоизвестных авторов-эмигрантов. Так, в № 11 была напечатана подготовленная членом ОРЛФ Л. Яковлевой подборка талантливого поэта-акмеиста Вадима Гарднера (1880-1956), который уехал из России в Финляндию в 1921 году и прожил там до самой смерти.

Детский раздел «По-читай-ка» существует в виде электронного приложения к журналу. С ним можно познакомиться на сайте ОРЛФ (finlito.tk). Рубрика, возглавляемая прозаиком Леонидом Корниенко, стремится привить любовь к русскому слову самым маленьким читателям. Впрочем, в нем помещаются произведения и для более старших школьников: например, выразительные рассказы молодой писательницы Аси Пеконен, раскрывающие внутренний мир и раннюю эмоциональность подростков.

В планах «Иных берегов Vieraat rannat» стоит также ознакомление читательской аудитории с историями жизни и творческой деятельности талантливых русских людей, которых немало сейчас в Финляндии.

Можно сказать, что журнал «Иные берега Vieraat rannat» постепенно завоевывает известность и в России. Литературовед из Казани Р. Сарчин в настоящее время пишет исследование о современной русскоязычной Финляндии: уже готовы главы о творчестве авторов ОРЛФ Роберта Винонена [Сарчин [www-1](#)] и Алексея Ланцова [Сарчин [www-2](#)]. Внимательно следит за жизнью ОРЛФ и развитием «Иных берегов Vieraat rannat» филолог из Ульяновска М. Крошнева [см.: Крошнева 2010], защитившая кандидатскую диссертацию по творчеству жившего в Финляндии русского поэта Ивана Савина. Исследовательница оценивает деятельность ОРЛФ так: «Члены литературного объединения – даровитые писатели и поэты, публицисты и переводчики. В основной своей деятельности – студенты, исследователи-филологи, ученые, педагоги, культурные работники, в свободное время увлекающиеся также живописью, музыкой, журналистикой» [Крошнева [www](#)]. Особое внимание М. Крошнева уделяет русскоязычной поэзии: «Публикуя различные по художественному мастерству и творческому волеизъявлению произведения В. Пауданен, Н. Мери, И. Глебовой, Т. Кивинен, О. Пуссинен, А. Ланцова, журнал преследует цель печатать работы целостного литературно-художественного характера. В выбранных для публикации стихотворениях соотношение основных литературоведческих категорий содержания и формы текстового материала находит самое приближенное к образцовому оформление. В лирике авторов Объединения классические темы изгнанничества, любви, надежды, одиночества, тайны, художественные образы и мотивы грусти, вселенской тоски, рока, пути, как и субъективный фактор авторского

присутствия, смешанные чувства лирического героя – все находит свое самое искреннее развитие» [там же].

Жизнь в эмиграции оставляет свой отпечаток на всех без исключения. Известный американский социолог Э. Эриксон говорил так: «Будучи сам иммигрантом... я могу начать с признания в своего рода каждодневной патологии» (Эриксон 1995: 217). В предисловии к выпущенному в Москве сборнику «Эмигрантская лира» литератор современной российской эмиграции А. Мельник особо подчеркивает влияние «среды обитания» и «географических условий существования» на поэтическое творчество. По мысли автора, географический детерминизм, т. е. социально-природная опосредованность творчества, в литературном процессе русскоязычного зарубежья становится одним из решающих факторов, определяющих развитие писателя и художественные особенности его произведений: «Если даже родная местность вместе со всеми государственными, общественными и национальными наворотами накладывает неизгладимый отпечаток на психический склад и духовную культуру людей, то тем паче такой отпечаток накладывает среда чужая. Влияние на стихи поэта другой культуры, другого менталитета, других обычаев, другой природы, наконец, несомненно. Что русскому хорошо, то немцу – смерть, и наоборот – это ведь и поэтов-эмигрантов касается...» [Мельник 2009: 6].

В своих произведениях русскоязычные литераторы Финляндии затрагивают самые разные темы, в которых через события, героев, философию бытия и поэтику творчества раскрывается литературная индивидуальность каждого из них. Однако существует одна общая тема, мимо которой, вероятно, не смог пройти ни один русский писатель, волею судеб оторванный от России: это тема тоски по своей отчизне, ностальгии по Родине. Можно сказать, что именно писатели, живущие в дальнем зарубежье, в чьих головах, говоря словами А. Мельника, «без устали пульсирует мысль об оторванности от родных корней» [Мельник 2009: 6], создали в общерусской словесности этот уникальный раздел. Как нам кажется, именно произведения писателей и поэтов русской эмиграции, позволяют российскому читателю по-новому, другими глазами посмотреть на свою страну, открывают перед ним огромное и сокровенное чувство любви к родному краю, которое вне его приобретает порой надрывный и трагический характер, наглядно демонстрирующий всю ту тяжесть и горечь разлуки, которая скопилась в душе русского человека за годы непростой эмигрантской жизни. Безусловно, каждый автор подходит к этой теме по-своему; можно сказать, что в творчестве современных русскоязычных литераторов, живущих в Финляндии, нашло свое отражение уже несколько видов ностальгии. Рассмотрим их подробнее, не только потому что эта тема всплывает практически в каждом номере журнала «Иные берега Viirgatt gannat», но также и потому, что она типична для всей эмигрантской литературы в целом.

Часть поэтов (в этой статье мы остановимся только на поэзии) вольно или невольно отражают ностальгию на, так сказать, бытовом уровне, касающемся повседневных мелких деталей и фактов, отсутствующих в иной культурной среде Финляндии, наполненной обычаями, традициями и ценностями, к которым российскому человеку сложно привыкнуть. Так, например, пишет Елена Пумалайнен, воспроизводя образ мыслей обычного, не склонного к рефлексии эмигранта:

*Называть по имени отчеству
И, конечно же, только на Вы,
Очень хочется, очень хочется,
Только некого и увы...*

(Русский свет, 2005, № 2)

Бытовой уровень этого стихотворения, пожалуй, ближе всего тому сожалению по послевоенным советским временам, которое устами «простого человека» передает в своей известной песне бард А. Розенбаум: «А знаете, как хочется, ну что б по-человечески: по имени, по отчеству, ну, в общем, по-отечески!..» Тем не менее, такие стихи, безусловно, имеют определенную поэтическую ценность, так как заложенная в них «народная поэтика» раскрывает общие для эмигрантов психологические проблемы культурного шока и стресса, связанного со сложным и болезненным процессом адаптации и ассимиляции в новой стране, которая при жизни в России во многом представлялась радужно-идеалистически.

Устоявшийся набор идентичностей (социальной, культурной, профессиональной, нравственной), помогающий индивиду определить свое место в обществе и мире, который в России представляется незыблемо-прочным каркасом, в эмиграции расшатывается и начинает давать сбои. В результате эмигранту приходится перестраивать и менять свою самоидентификацию по всем уровням. Пораженческие настроения и депрессия, чувство тупика и ощущение усталости, безнадежности, путаница социальных ролей и ценностей, вызванные отчуждением или даже неприятием со стороны принимающего населения, ярко проявляются в стихах других поэтов, таких, как Людмила Кирпу:

*Дай, Боже, сил не оступиться,
Увидев завтрашний закат.
Устала жить в краю, где лица,
как маски серые, молчат...*

(Иные берега, 2007, № 4)

Тема Родины – одна из постоянных тем в творчестве постоянного автора «Иных берегов», поэтессы Наталья Мери, которая покинула Россию в полугодовалом возрасте и росла в Алжире, Каире, Эстонии, поскольку ее отец был кадровым военным. Возможно, именно детство, проведенное в постоянных переездах, подтолкнуло Н. Мери дать сборнику своих стихов, выпущенному в 2007 году, название «Я – везде, я – нигде», (2007). Тем не менее, судя по творчеству поэтессы, можно смело сказать, что ее сердце принадлежит России. Хотя поэтесса живет в Финляндии уже пятнадцать лет, она все равно считает своей Родиной именно Россию, вновь и вновь воспевая в стихах любовь к своей стране, и личность Н. Мери – это уникальный пример сохранения русского языка и русского начала за границей. В выражении своих чувств Наталья всегда предельно откровенна и смела, она не стесняется своей любви, которая переполняет ее настолько, что словно не дает довести стихотворение до конца, отдавая последнюю рифму во власть читателю:

*Травы прошепчут мне имя твое,
ветер с востока навеет печаль...
Родина, Родина – сердце поет,
просится ввысь, в запредельную даль,

где пробуждал меня солнечный свет,
шум распустившихся яблонь в саду,
девственный запах сирени. И нет
места дорожке...*

(Иные берега, 2008, № 6)

Поэт Алексей Ланцов, опубликовавший в России сборник «Русская тоска» (2003), является одним из наиболее талантливых членов ОРЛФ. Проблема ностальгии по Родине не миновала и его, хотя он живет в Финляндии лишь четвертый год.

Жизнь в Финляндии открыла в творчестве А. Ланцова новые темы: он внимательно и вдумчиво смотрит на окружающую его действительность, рисуя лаконичные и прозрачные картины финской природы. Не содержащие ни одной лишней детали, такие стихи своей точной образностью создают в воображении читателя удивительно яркую по наглядности картину: таким образом, А. Ланцов как бы соединяет поэтическое начало с изобразительно-живописным, и это ему вполне удается:

*Листья деревьев мёрзнут в воздухе,
Словно ладони в холодной воде.
Луна – как под пыткой –
Свет едва даёт.
По газону скачут, играя, два зайца.
Финская ночь.*

(Иные берега, 2010, № 11)

Однако Финляндия интересует поэта не только своими пейзажами. Стихотворение А. Ланцова в юбилейном номере «Иных берегов Vieraat rannat», – довольно объемное для лирики произведение «Мой сосед Тоссавайнен», – убедительно демонстрирует, что поэт не только смотрит на страну, в которой сейчас живет, отмечая взглядом наблюдателя ее непривычные детали и формы. Помимо этого А. Ланцов мучительно размышляет о своем месте в новом мире. Начало стихотворения – это педантичное перечисление всех плюсов Финляндии: цивилизованной европейской страны, живущей в строгом уважении к историческому прошлому, связанному с Россией. Перед читателем разворачивается логическое обоснование преимуществ государства, где нормы равенства и демократии распространяются не только на граждан, но и на русских иммигрантов:

*Привыкаешь к стране, где тебе улыбаются люди,
Облечённые властью (но не отягчённые мздой),
Где над площадью главной висится столбиком ртути
Просвещённый монарх – русский царь Александр Второй.*

*С постамента царя – этой гордой и властной фигуры –
Не снесли даже после проигранной Зимней войны.
Он стоит как фиксатор приемлемой температуры
Отношения к русским в большом организме страны.*

Поэт словно впитывает в себя новую среду и пытается насытить ею свою душу, провести впечатления окружающей действительности через кровь и плоть («до самых подкорок»), сделать из них новый скелет для собственного тела, придав себе самому устойчивости в новом мире. Он осознанно и настойчиво проводит себя через финскую реальность, прикрепляет себя к ней, фотографически запечатлевая своего лирического героя в самых разных местах окружающей действительности: в домах, на дорогах, на берегу моря. Даже отражение в воде, призрачное и неустойчивое, он пытается сделать осязаемым фактом, конкретным снимком, как будто уверяющим его самого, что все происходящее – не выдумка, а новая ступень бытия, на которую привела его судьба и в которой он должен теперь жить, не помышляя о возврате в прошлое, ибо такого возврата быть не может, ведь «жизнь не круг, не спираль, но стрела»:

*Побываешь в столице – заполнишь до самых подкорок
Впечатленьями мозг, чтобы дома, уже поостыв,*

*Вспомнить гладкие руки дорог, обнимающих город,
Дом-кроссворд, что на солнце блестел клеткой окон пустых,*

*Или Финский залив, в нём теперь и твоё отраженье
Где-то в складках волны, или чайка его унесла.
Возвращения вечного нет, это миф – возвращенье,
Затемняющий суть: жизнь не круг, не спираль, но стрела.*

Тем не менее, подобные попытки прикрепить себя к новой реальности, напоминающие коллекцию снимков побывавшего в Финляндии путешественника, которые он, вернувшись в Россию, демонстрирует друзьям с вечными туристическими комментариями («*Вот это я на дороге, – дороги там супер!*», «*А вот, смотри, здание какое, – чистый модерн, и весь комплекс такой*», «*А вот море, а чайки там какие наглые, ничего не боятся, у нас бы их давно расшугали!*» и т. п.), – эти попытки практически полностью нивелируются общей безрадостностью произведения, разбиваются о его терпеливо-покорную, устало-смиренную тональность. Стихотворение вообще нарочито лишено эмоциональности: поэт как будто запрещает себе радоваться или печалиться, грустить или веселиться. В результате остается голая основа констатации, в которой герой «консервируется», созерцая «бесчувственную» финскую жизнь механистически-отстраненно:

*Взглядом праздным блуждаю средь облачных серых развалин,
Там зависла луна и мерцает, что твой монитор.
Возвращение – блеф, возвращается лишь Тоссавайнен –
Вновь приехал под утро и долго не глушит мотор.*

Произведение начинается и завершается образом соседа лирического героя, финна Тоссавайнена, и с ним, вопреки всем философским декларациям и заявлениям, совершает полный стихотворный круг, циклический виток жизненной спирали, по которой, словно в насмешку над поэтом-эмигрантом, преспокойно поживает Тоссавайнен, каждую ночь возвращающийся в родной дом. Таким образом, получается, что образы бытия разделяются: бытие Тоссавайнена в родной стране – это круг и спираль, а бытие лирического героя А. Ланцова на чужой стороне – стрела, летящая в другой мир. Какой другой? – Загробный:

*А мишень у стрелы за пределами этого мира –
Край, куда эмигрируют все и уже навсегда.
Может, там по-другому поёт просветлённая лира,
И стихи «Калевалы» озёрная шепчет вода?*

Но тогда получается, что Тоссавайнен бессмертен, ибо живет по спирали, а герой Ланцова идет и даже летит, как стрела, к своему смертному рубежу, могильному кургану. Получается, что будущее, опирающееся на неразрывный и бесконечный спиралевидный механизм движения бытия, предназначено сыну своей страны Тоссавайнену, тогда как лирическому герою поэта, словно пасынку, отводится лишь брэнное настоящее, которое закончится неминуемым финалом, когда его стрела долетит до своей конечной цели и движение прекратится. Попытки склеить себя с чужой страной, таким образом, проваливаются, оказываясь нежизнеспособными, а потому сменяются призрачными мечтами об ином прекрасном крае, простирающемся за порогом жизни, в котором черты и без того безупречной финской действительности перфекционируются и истоншаются до бесплотности, до голубоватого тумана заоблачного финского Эдема, где, как и положено райскому саду, ангелы на лирах играют душам счастливицков сладостные песни из «Калевалы».

И эту надежду герой поэта оставляет себе как последний шанс на обретение того душевного умиротворения, которое пока страна Суоми ему еще не дала.

За десять лет литературного процесса, который редко бывает гладким и спокойным, от ОРЛФ отпочковалось несколько других литературных объединений. Так, в 2003 году был основан русскоязычный историко-культурный и литературный журнал «LiteraruS». С конца 2007 года начал выходить в свет печатный орган международной творческой группы «Тайвас» (что в переводе с финского означает *небо*) – альманах «Под небом единым», который основатели группы изначально позиционировали как «литературный альманах мировой русскоязычной диаспоры». Совсем недавно, осенью 2010 года образовалось Финляндское русскоязычное литературное объединение, в планах которого стоит выпуск журнала «Балтийские волны». Однако можно уверенно утверждать, что «Иные берега *Vieraat rannat*» являются первым литературно-художественным журналом на русском языке, издающемся в Финляндии в новом столетии². Его значение трудно переоценить: он дает русскоязычной диаспоре Финляндии возможность подняться от уровня национального меньшинства до статуса культурного этноконгломерата с развивающимся духовным началом, которое обогащает также и финскую среду. Публикуемые на страницах журнала произведения интересны как для русскоязычной эмиграции, так и для читателей метрополии, которым открывается новый взгляд на природу русского характера и особенности жизни русского человека в ином, нероссийском мире.

ЛИТЕРАТУРА:

Крошнева 2010 – Крошнева М. Объединение русскоязычных литераторов Финляндии и его журнал «Иные берега» в контексте сетевой литературы // *Иные берега*. – 2010. – № 2. – С. 123-130.

Крошнева www – Крошнева М. Писать по-русски в Финляндии: Литературная жизнь журнала «Иные берега» (Хельсинки) в условиях финского зарубежья // <http://www.m-s-p-s.ru/news/119>

Мельник А. географический детерминизм и эмигрантская поэзия // *Эмигрантская лира*. – М.: Русская школа, 2005.

Пуссинен О. Этнокультурная идентичность русскоязычной личности в условиях эмиграции // *Материалы научно-практической конференции «Русский язык и культура в Финляндии»*. – Хельсинки: Объединение русскоязычных литераторов Финляндии – Российский центр науки и культуры – Институт восточной Европы, 2009. – С. 11-26.

Сарчин www-1 – Сарчин Р. Небо Поэта (о книге Роберта Винонена «Дым над именем») // http://www.inyeberega.ucoz.ru/doklad_sarchin_vinonen.htm

² В 1994 году общественная организация города Тампере «Русский клуб» начала выпускать собственное периодическое издание «Русский свет», однако его трудно отнести к литературно-художественным журналам. «Русский свет» – это, по сути, своеобразный «вестник» работы клуба, который вместе со статьями, освещающими деятельность организации, публикует также на своих страницах отдельные художественные произведения.

Сарчин www-2 – Сарчин Р. Русская тоска Алексея Ланцова // http://www.inyeberegа.ucoz.ru/doklad_sarchin_lantsov.htm

Чупринин 2008 – Чупринин С. Русская литература сегодня: Зарубежье. – М.: Время, 2008. – 784 с.

Эрикссон 1995 – Эрикссон Э. Идентичность и неукорененность в наше время // Философские науки, 1995, № 5-6.

Ольга Пуссинен

О ПРОШЛОМ, НАСТОЯЩЕМ И БУДУЩЕМ

ЖУРНАЛА «ИНЫЕ БЕРЕГА VIERAAT RANNAT»:

К 10-летию юбилею

Объединения русскоязычных писателей Финляндии

Любой юбилей обозначает собой некий рубеж, подводящий итоги жизненного процесса и человеческой деятельности во всех ее самых различных областях. Однако каждый оставленный в прошлом рубеж неизбежно ставит перед юбиляром вопрос о будущем, - вопрос, возможно, не менее, важный, чем воспоминания о прошлом и оценка настоящего.

В любом виде деятельности, а особенно в творчестве, людям необходимо придерживаться каких-то перспектив, координат дальнейшего пути и направлений развития. Именно поэтому вопрос «Каковы ваши творческие планы?» является неизбежным на любом юбилее. Мы не стали дожидаться, пока нам его зададут. Мы решили сами рассказать вам о наших планах, идеях, задумках и проектах.

Десять лет – достаточно значимый возраст для любого литературного процесса, ибо литература неизбежно отражает движение жизни, а основное свойство человеческой жизни – это ее постоянное изменение. Жизнь, как Протей, меняется каждый день, и хотя это и незаметно в привычном течении будней, тем не менее каждый человек на протяжении своей жизни неизбежно следует за этими метаморфозами. Люди любят обозначать изменения времени десятилетними рубежами, и в смене десятилетий нам всегда видится некий выход на следующий этап развития общества, в котором мы живем, и даже поворот к новому витку движения целого мира. Не будем отрываться от данной традиции и постараемся понять, какие качественные изменения произошли за десять лет в объединении русскоязычных литераторов Финляндии и в журнале «Иные берега».

Изначально объединение русскоязычных литераторов и его рупор в виде альманаха (а затем журнала) создавались как литературная трибуна ингерманландских репатриантов Финляндии: именно в этом заключалась идейная концепция и творческая установка. Для начала «нулевых» (как принято сейчас назвать этот период) данное стремление было вполне закономерным. В течение предшествующих девяностых годов произошло массовое переселение людей финского происхождения из России в Финляндию, так называемое возвращение ингерманландцев на историческую родину. В настоящее время этот процесс, конечно, еще идет, однако сейчас он не имеет столь глобального масштаба и размаха. На мой взгляд, русская ингерманландская диаспора Финляндии (простите за столь громоздкий термин) сформировалась именно к началу XXI века. Естественно, что художественная концепция «Иных берегов» находилась в непосредственной

зависимости от чувств и настроений тех переселенцев, которые накануне пережили неповторимые изменения своей жизни: репатриацию, исход из СССР и России и переселение в Финляндию, которая манила к себе как земля обетованная, ибо ее можно было называть второй Родиной.

Все эти события, мысли и чувства так иначе нашли отражение в произведениях писателей, поэтов и публицистов, опубликованных за эти годы на страницах альманаха и журнала. Однако за десять «нулевых» лет изменился, во-первых, качественный состав русскоязычной эмиграции. Нынешняя русскоязычная диаспора Финляндии представляет собой весьма пестрое гетерогенное сообщество людей с различным жизненным опытом и поведенческими установками, различным уровнем образования и культуры, различным «набором» духовных и материальных ценностей. Наряду с этническими репатриантами значительную часть нашей диаспоры ныне составляет студенческо-профессиональная эмиграция, беженцы из стран постсоветского пространства, жены финнов. Каждый из представителей перечисленных слоев познакомился с Финляндией по-своему, приобретая неповторимый личный опыт и пройдя сложный индивидуальный путь адаптации, далеко не всегда легкий и безболезненный.

Однако при всей своей нынешней разнородности диаспора, на мой взгляд, стала духовно более сплоченной, и это объединение произошло в процессе постепенного осознания своей неразрывной приобщенности к русскому языку и русской культуре. Каждый русскоязычный человек, прожив несколько лет вне России, начинает чувствовать потерю какой-то важной составляющей своей жизни, которую невозможно компенсировать материальными благами жизни европейской жизни, ее стабильностью и психологическим комфортом. Эмигранты в большинстве своем не дают себе отчета в том, что подобное внутреннее беспокойство напрямую связано с неумолимой утратой русского начала, обусловленной невозможностью получать все то же количество русского языка, русской культуры, русского образа жизни и русских традиций. Однако, не осознавая того, что с ними происходит, русскоязычные люди, тем не менее, начинают искать место для совместного общения и обмена духовной и культурной информацией, для чего вступают в различные русскоязычные общества и ведут своих детей на русские кружки.

Другим важным изменением жизни русскоязычной диаспоры стал факт того, что за эти десять лет выросла и сформировалась новая молодая русско-финская генерация, - так называемые «дети эмиграции», полностью адаптированные в финском обществе и ощущающие себя уже больше финнами, нежели русскими. На примере своих детей мы, взрослое поколение эмиграции, можем наглядно видеть, как легко теряется язык, если его не поддерживать и не развивать, как быстро наши дети, получающие финское образование, в области владения русским языком остаются на уровне развития крестьян XIX века, слабо знающих русскую грамоту (или даже вовсе безграмотных) и не желающих читать по-русски ни Лермонтова, Гоголя, ни Тургенева, поскольку такой привычки к чтению не было выработано, а без привычки попытки читать русскую литературу быстро утомляют и с треском проваливаются. Лишаясь знакомства с литературой, русский язык молодого поколения диаспоры на глазах становится «домашним», когда молодые люди не в состоянии полноценно и ярко описать на родном языке свои мысли и чувства или интересно и образно пересказать какое-либо событие. Утрачивая русский язык, молодое поколение теряет духовную связь со своими родителями, для которых русский язык остается основой внутреннего самовыражения, а значит, слабеет и обрывается важнейшая жизненная нить, соединяющая поколения. Многие родители понимают это на примере старших детей и, спохватившись, хватаются за младшее чадо, как за собственное спасение,

стремясь хоть чем-то, помимо домашнего общения, наполнить русскоязычную сторону его бытия.

Таким образом, на сегодняшний день мы четко и ясно видим, насколько важным и актуальным является сохранение и развитие русского литературного языка, русской культуры и традиций русской литературы в условиях внеязыковой среды, в условиях жизни в диаспоре. Мы можем смело провозгласить это положение основной идейной концепцией нашего журнала, из которой так или иначе, как ветви от ствола, будут отрастать разные направления нашего развития и виды деятельности.

Мы считаем, что сохранение русского языка в диаспоре невозможно без тесной связи с языковой метрополией, – то есть с Россией. Именно поэтому наряду с авторами, проживающими в эмиграции (Финляндии, Германии, Израиле, Канаде, США, Австралии, - по всему миру), «Иные берега» печатают и будут продолжать печатать талантливых авторов, живущих на огромных российских просторах. Ибо через их рассказы и стихи мы имеем возможность узнавать, как живет, о чем думает и чем дышит современная Россия.

Нам кажется также, что, несмотря на всемирную сеть Интернета, опутавшую и объединившую людей практически всего земного шара, в жизни русскоязычной диаспоры Финляндии заметен дефицит информации о культурной жизни России. Именно поэтому мы планируем оживить и усилить раздел рецензий, обзоров и критики, где наши авторы будут знакомить читателей с талантливыми книгами российских писателей и поэтов, фильмами и спектаклями, которые стоит посмотреть, художниками и их выставками, фестивалями или концертами. Таким образом мы сможем подсказать читателю, что стоит прочитать, посмотреть, послушать, восполнив недостаток информации у старшего поколения и раскрыв огромный культурный потенциал России (ту самую русскую креативность!) перед младшим поколением.

Помимо этого нам кажется творчески продуктивным и обоснованным продолжить знакомство наших читателей с историей литературы русского Зарубежья более ранних волн эмиграции, - первой и второй. Мы планируем публиковать подборки произведений малоизвестных авторов, ибо тот путь, который прошли они в своей жизни вне России и без нее, актуален и злободневен для нас, современной, четвертой волны эмиграции. В этом начинании мы также видим историческую связь и духовно-культурную преемственность поколений русских людей.

Мы планируем развивать детский раздел «Почитайка» и надеемся, что станем писать для детей лучше, интереснее и выразительнее, прививая им любовь к русскому слову и показывая его огромный творческий потенциал. Нам хотелось бы привлечь к сотрудничеству с детским разделом также художников, ибо литературный текст, сопровождаемый хорошей иллюстрацией, производит на ребенка вдвое, втрое более сильное и яркое впечатление.

Мы постараемся расширить раздел переводов, выйдя за рамки исключительно финской литературы и обратив собственный взор и внимание нашего читателя на другие языки, народы и культуры, поскольку в современном мире никто не может остаться в стороне от набирающего все больший размах процесса глобализации, все теснее сближающего людей.

Наконец, в наших планах стоит знакомство читательской аудитории с историями жизни и творческой деятельности талантливых русскоязычных людей, живущих ныне в Финляндии. Подчас мы даже не представляем, какие интересные и уникальные люди живут с нами в одном городе или даже в одном районе, и сколько захватывающего, необычного и увлекательного они могут рассказать.

Вот лишь некоторые из наших творческих планов, поскольку творческие планы – субстанция непредсказуемая и склонная к постоянному обновлению, рождению и возникновению новых идей и замыслов. Однако планы, с которыми я сейчас с вами поделилась, имеют одну отличительную особенность: они актуальны, реальны и практически осуществимы.

2010